

Евгений Федин

A dark, moody photograph of a desk. A black desk lamp is turned on, casting a bright light on the desk surface. On the desk, there are several papers, some with text and others with images. A black handgun is visible on the right side of the desk. The background is dark and indistinct.

**ВЕЩДОК. Дело
номер 1.
Идеальное
самоубийство**

Евгений Федин
ВЕЩДОК. Дело номер 1.
Идеальное самоубийство

<https://litres.ru/74495567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оперативник первой ступени Департамента по работе с не одушевленными предметами Небесной канцелярии ведет расследование самоубийства важного чиновника, в прошлом сотрудника спецслужб. Все указывает на его добровольное сведение счетов с жизнью, но для Небесной канцелярии нужны неопровержимые доказательства этой версии. И это должны подтвердить немые свидетели, а может и участники трагедии-вещдоки.

Содержание

В кабинете хозяина квартиры я появился сразу, как только прогремел выстрел, и от ангела-хранителя поступил сигнал. Его подопечный находился в списке особо значимых персон. В восемь сорок три, как зафиксировали наши часы, в своем кабинете, хозяин свел счеты с жизнью.	7
В милицию из квартиры не звонили, значит, это взял на себя Эдуард Аркадьевич. Следственная бригада, а за ней бригада скорой появились буквально спустя полчаса. Приказ, по всей видимости, пошел с самого верха.	9
Холодный латекс перчатки сжал вороненый ствол пистолета и отправил его в душный пакет из полиэтилена. Так он стал вещдоком с номером один, в деле, которое уже к вечеру вызовет широкий общественный резонанс, окажется главным для средств массовой информации...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Федин

ВЕЩДОК. Дело номер 1.

Идеальное самоубийство

«Вещдоки»

Дело №1 «Идеальное самоубийство»

В небесной канцелярии департамент, в котором я служу, самый отстойный, специально для таких как я - без нужных связей и перспективы подняться хотя бы на пару ступеней выше. Ангельские чины и погоны архангела для тех, кто вершит по воле нашего руководителя вселенские деяния. А наш департамент создали под язычников. Наивные они и примитивные ребята, но кое-что у них оказалось полезным. За их преклонением перед каменными и деревянными истуканами скрывается нечто большее. Простите за тавтологию, но язычники нашли с ними общий язык. И это целый мир. Наивные - это на нашем сленге те, кто там, внизу, его не слышат и не ощущают. Особенно сегодня, когда увлечены играми в искусственный интеллект, когда отобрать у ребенка айпад, заменив его деревянной лошадкой с оловянными солдатиками, смертельный номер для родителей. Представляете себя на их месте? Но в масштабах тысячелетий в деле воспита-

ния и развития Наивных пользы от этих, на первый взгляд безмолвных, лошадок и металлических солдатиков наберется поболее. Тут вопрос в том, на что пошли плоды воспитания. Для меня вопрос риторический. Да, великие открытия. Но, как всегда у Наивных, мирный атом - это потом, а вначале бомба.

Впрочем, меня, как всегда, заносит. Пора вернуться к нашей рутине. После того, как я не без труда, прошел подготовку по работе с неодушевленными предметами, на базе школы язычников освоил приемы шаманства и чревовещания, изучил связи духовного и материального на сеансах спиритизма, научился мимикрировать и вселяться в предметы (работа под прикрытием), сразу получил назначение в отдел вещдоков оперативником первой ступени. Это действительно рутина и куча дел. Главная задача, разгребая мусор вещдоков, не дать руководству ошибиться, вынося приговор, который не может отменить, там внизу, ни один суд Наивных. По этому вердикту всем воздается по заслугам. Я, конечно, винтик, в этой машине правосудия, но цену своей работы знаю.

Мир, в котором я теперь, как говорится, свой для Наивных существует в параллельном пространстве. Здесь своя жизнь и другие возможности. Взять хотя бы мою сферу. Вещдок. В мире Наивных следствие зачастую крутит вещдоками как ему выгодно. Хочет не заметит, пропустит, потеряет, в крайнем случае заменит на другой. Эта практика хорошо известна небесной канцелярии. Отсюда важность моей ра-

боты. Истина она конкретна, исключает всяческие толкования. Также конкретен вещдок, свидетель, а иногда и прямой, (немой для Наивных), участник преступления.

Сегодня обычный для меня день.

В кабинете хозяина квартиры я появился сразу, как только прогремел выстрел, и от ангела-хранителя поступил сигнал. Его подопечный находился в списке особо значимых персон. В восемь сорок три, как зафиксировали наши часы, в своем кабинете, хозяин свел счета с жизнью.

Обычный в таких случаях переполох охватил большую квартиру в центре города. Первым, кто влетел в полумрак комнаты, был сын хозяина, следом застыла в оцепенении на пороге невестка, а уж потом, прошмыгнувшая из-за ее спины вездесущая домработница с

противным именем Сима. Она-то и подняла весь этот переполох. В какой деревне ее нашли? Такого причитания и слез по неблизкому тебе человеку сейчас днем с огнем не найти. Сказывались, наверное, крепкие генетические корни Симы, уроженки Поволжья. Потом начались многочисленные телефонные разговоры сына хозяина. Первым прозвуча-

ло имя Эдуарда Аркадьевича, с которым он советовался, как следует поступить в данной ситуации. Затем - звонки разным людям, наверное, близким друзьям хозяина. Жена хозяина, которая с внуком пребывала в загородном доме, наверное, так и оставалась в неведении, поскольку сын хозяина строго предупредил жену и Симу, что маме сейчас лучше ничего не знать, и он сам поедет в Жуковку.

В милицию из квартиры не звонили, значит, это взял на себя Эдуард Аркадьевич. Следственная бригада, а за ней бригада скорой появились буквально спустя полчаса. Приказ, по всей видимости, пошел с самого верха. Первым делом, после небольшого обсуждения, следаки раздвинули массивные шторы, и яркие лучи восходящего солнца поглотили утренний полумрак, который предпочитал хозяин кабинета, привыкший раньше всех вставать и позже всех отходить ко сну. Картина предстала суровая. В интерьер кабинета, обставленного

кут и авторучку, которой записка была написана. Но сейчас все внимание было обращено к главному орудию, с помощью которого хозяин поставил точку в своих отношениях с жизнью - к пистолету системы Макаров. То, что это был добровольный уход, ни у кого из присутствующих не вызывало сомнений.

**Холодный латекс перчатки сжал
вороненый ствол пистолета и
отправил его в душный пакет
из полиэтилена. Так он стал
вещдоком с номером один,
в деле, которое уже к вечеру
вызовет широкий общественный
резонанс, окажется главным для
средств массовой информации...**

То, что Макаров номер один в качестве спойлера моего расследования, для меня было очевидным. Из всех вещдоков - свидетелей трагедии, он виделся мне самым надежным и наиболее подходящим для этой роли. К тому же я сразу почувствовал, как тяжела была ему внезапная потеря чловека, которого за долгие годы их отношений он, наверное, считал своим другом. Позже Макаров признается, что с годами жизнь вывела хозяина на такой высокий уровень, что понятие «дружба», в привычном смысле этого слова, ушло на задний план, уступив место расчету и взаимным интере-

сам. И все же, сейчас, считал он, не время для обид и ревности. На память приходили только самые счастливые дни и минуты их боевой дружбы, короткие мгновения общения, которые мог себе позволить рано ставший генералом и важным чиновником, некогда душа офицерских компаний, его хозяин.

Такому вещдоку, как Макаров, я полностью доверял и был признателен за то, что он позволил мне мимикрировать в вещдок номер один, заняв место рядом. Теперь для других вещдоков я - тоже Макаров с его биографией, взглядами, отношениями, и прямой участник всего что всплывет в ходе моего расследования под прикрытием. Ух, нелегко быть в железной шкуре ветерана множества спецопераций, в которых участвовал его хозяин.

Следом, в разной последовательности, в таких же пакетах как наш, оказались: золотая зажигалка с монограммой хозяина, мобильный телефон и трубка, затем два окурка, извлеченные из дорогой хрустальной пепельницы. Один, докуренный до фильтра, казалось, пребывал в коме. Второй - с четкими отпечатками зубов, мел черепно-мозговые травмы, несовместимые с жизнью. Все они молча пребывали в непривычных для них условиях. Первой нарушила гробовое молчание авторучка.

- Разве вы не видите, - зашептала она, - следки не так тщательны и аккуратны, явно проходят мимо очевидных ве-

щей. Взять хотя бы отношение ко мне. Согласитесь, я главный свидетель, именно мне хозяин доверил выразить последнюю волю. Да, не я поставила точку в его жизни, но я не была слепым орудием в его руках, каким некоторые из нас оказались.

Грубый намек в адрес Макарова. Я бы сказал, даже не камешек в огород, а булыжник. Думаю, при других обстоятельствах вояка нашел бы способ заставить мадам замолчать, и сделал бы это, не роняя мужского достоинства. Я на себе почувствовал, как напряглись стальные мышцы, и только выработанная годами службы выдержка не позволили тут же пресечь грязные намеки.

- Что они за все это время сделали? - продолжала авторучка. - Сняли отпечатки пальцев. Такое ощущение, что тебя облапала сальными руками, какая-то мерзость, до сих пор не ототрешь, - сказано было с таким отвращением, что покорило даже Макарова и вызвало некоторое сочувствие. Хотя, конечно, не ей это говорить, такие, как она, часто оказываются не только в руках хозяина. Штучка еще та. Но другие вещдоки отнесли к её тираде с пониманием и сочувствием.

Умеет, дрянь, себя преподнести, вот уж в чем ей не откажешь, признался Макаров. И как хозяин на нее запал? Нет, тот, кто ему её подsunул, точнее, подложил, хорошо знал и понимал шефа. И он никуда без нее, всегда под рукой и где? В кармане, где бьется сердце. Обидно. За него, конечно. Не зря эта фифа Макарову сразу не понравилась. Нет, здесь не

было ревности к хозяину, хотя с его стороны все-таки так думать было неискренне. Невзлюбил с первой встречи. Хотя назвать это встречей было нельзя. Был телефонный разговор. И хозяин кого-то благодарил за бесценный для него подарок. Кто был на другом конце связи можно было только догадываться. Хозяин минут десять обсуждал ценность презента отмечал его достоинства и выражал признательность за доставленное удовольствие. О таких вещах с человеком, который не близок так долго не разговаривают, тем более все в курсе, как дорожит, точнее, дорожил своим временем его патрон. Патрон, какая-то двусмысленность прозвучала в этом слове и заставила Макарова поежиться. Наверное, тот, кто был на другом конце этого разговора эту дрянь чернильную ему и подсунул. Но это только предположение, не более того. А всякое предположение всегда отягощало Макарова. Отсутствие конкретных фактов не позволяло ему выстраивать убедительные версии, а обрастать предположениями - не в его характере, и не заложено изначально. Неопровержимый факт вот главный и убийственный козырь, если хотите последний для него аргумент всякого спора. Так его воспитали

- Они, что? Считают, что здесь, могут быть чьи-то другие отпечатки? - продолжала авторучка. Примитивно и банально. Думаю, дальше этого они не пойдут, возьмут все, что на поверхности, и начнут строить такие предположения, что никогда, я это говорю с полной ответственностью, никогда

не докопаются до правды. Поверьте, я хоть и очень молода, но уже кое-что в этой жизни поняла и видела.

- Интересно, что она видела? - ухмыльнулся Макаров. Другие бы обстоятельства и не избежать ей хорошей отповеди. Жаль, не та минута, хотя, как ни странно, гребет она в нужном направлении. Но про опыт, это слишком. Особенно, когда в деле труп. Дура и жертва сериалов. Что еще сказать? Все, что она тут наговорила, с позиции здравого смысла - абсурд, некомпетентность, одно желание оказаться в центре события и управлять, точнее, манипулировать остальными. Борьбa с этим сейчас не имеет смысла. Пусть рассудит время. А ждать и терпеть - этому он хорошо обучен. Тем более, сейчас ему необходимо еще раз все обдумать. Чувство вины не отпускает до сих пор. Да его использовали, он действовал против своей воли, но именно он, а не она поставил окончательную точку. И все повесят на него. Так думают все, без исключения. Ложь. Но она сейчас для всех выглядит очень правдиво. И выпутаться можно, только найдя неопровержимые доказательства его непричастности к злoму умыслу. И хотя не в его характере считать и прикидываться жертвой обстоятельств, но в случае с хозяином так оно и было.

- И что нам делать? – спросила зажигалка

Ну, все, подумал Макаров. Теперь и эта золотая дура туда же. Все. Теперь он точно крайний.

- Я уверена, - тут же отреагировала авторучка, - что мы можем сами во всем разобраться. Человек он был хороший,

считайте, что это наш прямой долг перед ним. Хотя это мое личное мнение и оно ни к чему никого не обязывает. Пусть эти копают. Но это, поверьте мне, глухой всяк.

От последней фразы Макаров чуть не поперхнулся.

- Удивляешь, девушка, удивляешь. Какой тут всяк? Предсмертная записка, орудие, которым свел счеты с жизнью хозяин. Самоубийство это. Причем с объяснением причины. Ни следов борьбы, ни взлома. Все пристойно, за рабочим столом в кабинете. Как и положено в таких случаях персонам его статуса. Закроют дело. Была бы возможность, как в прежние времена, когда он только начинал, вообще сказали бы, что скончался скоропостижно. Теперь так, конечно, не пройдет, но, если человек сам решил уйти из жизни, когда диагноз врачей - полная безнадега, и это хозяин имел в виду в своей записке, и ты завтра беспомощная обуза для тех, кому столько лет служил, как стена, опорой, попробуй кинуть камень. А в малодушии его при всех-то его прежних боевых заслугах, кто сможет обвинить? Жил мужиком, мужиком и умер. Я такой выбор одобряю

- Что вы там скрипите, как старая железяка, хватит уже строить из себя жертву обстоятельств! - прервала его мысли авторучка.

Второй выпад и еще один удар по живому! Как он ненавидел эту ее манеру обращения с ним, ее развязность вульгарность! И эта фамильярность и пренебрежение, с которыми она сейчас обратилась к нему, и легкая усмешка, не скрыв-

шаяся от него, которая проскользнула у остальных, еще одно убедительное доказательство его самых мрачных предположений. Его хотят сделать крайним. С этой болтовней пора завязывать.

- Тут нас пытаются учить уму-разуму. - Макаров сам не узнал свой голос, потому что начало фразы прозвучало сипло, и только потом, слегка кашлянув, он смог вернуть ему прежние баритональные интонации. Как бы это ни было, но такое начало его речи заставило всех резко повернуться к нему. - Я не знаю, что еще наговорит вам здесь эта новоявленная Устинова, но я с хозяином вместе больше двадцати лет и я по праву могу назвать себя его боевым другом. Записку все слышали. Это его выбор, и не нам его судить. А мне, поверьте, тяжелее всех. Получается, что я крайний, а вы все в стороне. Как бы вы сейчас обо мне ни думали, я выполнил свой долг и его последнюю волю. Он поступил как настоящий офицер, и я горжусь, что профессионально выполнил его приказ. Если кто-то сомневается в моей порядочности и считает соучастником якобы преступления, пусть скажет прямо, и я рассмотрю любые предложения, но разговоров и пересудов за спиной, а также пренебрежительного тона какой-то фифочки больше не потерплю.

Следовало взять паузу, поскольку то, что он сейчас сказал, произвело впечатление. Особенно на авторучку. Нет, не было даже намек на ее растерянность или, более того, испуг. Но во взгляде, который она бросила на него, он уловил без-

условное удивление, и может быть нечто большее. Ее ответ последовал незамедлительно.

- Глупо оспаривать неоспоримое, не такая я уже и дурочка, чтобы не понять вашу обиду и ваше состояние, но, поверьте, старые друзья очень часто остаются в неведении и узнают новости гораздо позже других. Тем более, в силу известных причин, могу предположить, что несколько последних лет ваше общение перестало быть постоянным. А те нечастые вечерние встречи даже уже на моей памяти вообще не касались проблем, которые волновали хозяина. Не в обиду будет сказано, но вряд ли он хотел вводить вас в курс дела. А, может, щадил ваш покой, зная, как преданно вы к нему относитесь. Поэтому я даже рассчитываю на вас, на ваш опыт, и уверена, вы меня поймете и поддержите, когда познакомитесь с дополнительной информацией.

Интересный поворот, если не сказать больше. Получалось, что инициатива, которая, как ему казалось, уже перешла к нему, вновь как песок сочилась через пальцы. Если это не ее рук дело, то девица явно с мозгами. Такие, как он считал, и бывают самыми опасными в мужских делах и разборках. И случайно не появляются в жизни таких людей, к кругу которых относился хозяин. Но тогда, какова ее роль в непростой, по ее же словам, истории. Крайняя осторожность, сейчас это, пожалуй, самое главное. И что касается дополнительной информации, которую она имела в виду. Надо попытаться перепроверить каждый факт. Это, конечно,

сложно ему сейчас, и фифа была права, имея в виду их разобщенность с хозяином, но многие вещи доходили до него, пусть не всегда четко и разборчиво, но в свете новых обстоятельств, каждая крупица информации могла приобрести особый смысл. Сейчас следует поднапрячь память. Когда-то у него с этим было все в порядке.

- Я не могу понять вашего молчания, - продолжала давить любительница детективов. – Нельзя идти дальше, если вы не готовы проводить собственное расследование. - Она бросала вызов, и каждый понимал, что такая постановка вопроса, это уже проверка на лояльность по отношению к хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.